

Микроистория в изучении истории духовных семинарий: эпизод из жизни Орловской духовной семинарии в воспоминаниях К. Никольского как исторический источник

О. Д. Попова

доктор исторических наук, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина.
Россия, г. Рязань. ORCID: 0000-0001-5131-7970. E-mail: od-popova@mail.ru

Аннотация. В статье показаны возможности применения микроистории к исследованию истории духовно-учебных заведений в начале XX в. Микроистория, обращенная к факту и казусу, находит свое отражение в мемуарах воспитанников духовных семинарий. Автор статьи рассматривает мемуары К. Никольского – воспитанника Орловской духовной семинарии. Документ был обнаружен в фондах отдела рукописи Российской национальной библиотеки. В документе изложены события в духовной семинарии в октябре 1905 – январе 1906 гг. Анализ текста мемуаров показывает, что идеологическая система общества накладывает сильный отпечаток на репрезентацию событий со стороны автора текста. К. Никольский пытался показать события, происходившие в Орле, как часть революционного процесса, а сам себя позиционирует активным революционером. Однако обстоятельный анализ документа позволил преодолеть идеологическую призму изложения событий.

В статье показано, что применение сравнительного анализа к фактам из истории других учебных заведений на уровне микроанализа позволило установить, насколько события в отдельном учебном заведении отражают типичные или уникальные факты протестного движения семинаристов в начале XX в. В статье демонстрируется, что мемуары Никольского сосредоточили в себе все типичные процессы, происходившие в духовной школе в начале XX в. Особое внимание данный документ обращает к жизни отдельных людей в историческом процессе. Микроистория позволяет в судьбах людей увидеть перипетии исторического процесса, с одной стороны, и процесс влияния исторического процесса на жизненные траектории конкретных личностей, с другой стороны. Анализируемый документ интересен тем, что отражает различные жизненные траектории как учащихся, так и преподавателей. При этом обращение к личным судьбам позволяет показать индивидуальные грани исторического процесса. Особый интерес представляет личность автора документа – К. Никольского. В микромире одного человека отразился сложный процесс ломки мировоззренческих установок всего общества, смены идеологических установок.

Ключевые слова: микроистория, мемуары, духовные семинарии, протестное движение, идеология, история провинции, город Орел.

Введение. В поисках новых методологических подходов в современной исторической науке заметное место занимает микроистория. Следует отметить, что на сегодняшний день смысловое содержание данного подхода весьма разнообразно и различно. Так, например, итальянские историки К. Гинзбург и Э. Гренди предлагают обратиться к малым историческим объектам: к судьбе одного человека, к событию одного дня и так далее. Особое внимание уделяют эпизоду, казусу, который нередко оказывался более богатым по содержанию, чем обезличенный общесоциальный и общементальный фон эпохи [5, с. 4]. В свою очередь, немецкие историки предложили особое внимание уделять изучению действий и сознания «маленьких людей» и их роли в «большой истории» [5, с. 5]. Идти от судьбы человека к всему историческому процессу – важный механизм познания прошлого в системе микроистории. Как отмечают А. А. Лазарова и М. Л. Шуб, такой подход позволяет привлечь во внимание множество частных судеб. Исследователи подчеркивают: «В этом смысле микроистория есть своего рода реконструкция «жизни маленького», не менее важной исследователю прошлого, чем жизнь человека «замечательного». Во-вторых, значимость микроистории как подхода к реконструкции прошлого заключается в изучении несостоявшихся возможностей и причин, в том числе и случайных обстоятельств «состоявшейся истории», которые позволяют более полно и масштабно не просто описать, а именно понять прошлое» [22, с. 16]. Таким образом, микроистория – это маленький факт, маленький человек, история небольшого географического пространства. В отличие от локального краеведческого исследования, изолированного от всего

исторического процесса, микроистория пытается в единичных фактах и судьбах простых людей увидеть весь исторический процесс в его многообразном и сложном проявлении, позволить в единичном увидеть множество.

Основная часть. В современной исторической науке микроисторический подход имеет применение к анализу различных исторических социальных процессов и истории различных социальных институтов: военная история, история личности в войне, личность в политических процессах, город, поселок в историческом процессе. Свои перспективы имеет микроисторический подход к анализу документов, связанных с историей учебных заведений, в частности, истории системы духовных семинарий. Микроистория, обращенная к факту и казусу, находит свое отражение в мемуарах воспитанников духовно-учебных заведений. Среди достаточно большого пласта выявленных мемуарных документов по истории духовно-учебных заведений большинство обращено либо к описанию факта учебы в семинарии как одному из жизненных этапов, либо к воссозданию функционирования учебного заведения в определенный период. Серьезным поводом к написанию мемуаров стала проблема реформирования духовной школы в начале XX в. Однако некоторые тексты сведены к изложению небольших эпизодов из жизни отдельных учебных заведений. Таким текстом является небольшая тетрадка, обнаруженная в отделе рукописей Российской национальной библиотеки с воспоминаниями Константина Ивановича Никольского под заголовком: «1905 год. Губернский город Орел. Революционные волнения в средних учебных заведениях. Забастовка учащихся духовных семинарий» [1, л. 4–28]. Он – в прошлом воспитанник Орловской духовной семинарии. Как следует из небольшого вступления, воспоминания были написаны к сорокалетию Октябрьской революции 1917 г. Сам автор объясняет свой посыл взяться за перо так: про участие студенчества высших учебных заведений в революционной борьбе написано много, а вот про участие учащихся средних учебных заведений в революционной борьбе почти ничего не написано. Однако обращает внимание используемая автором риторика, пронизанная идеологическим содержанием советской эпохи: «репетиция революции 1917 года», «великий вождь Владимир Ильич Ленин», «революционные идеи», все это говорит, что автор пытался придать особое идеологическое содержание описываемым фактам. Автору очень хотелось показать свою причастность к революционным событиям.

Приложенная к тетрадке переписка с газетой «Правда» свидетельствует, что автор сочинил свои мемуары с расчетом на публикацию в данном издании, но, по всей видимости, они опубликованы не были [1, л. 1–3]. Центральное партийное издание страны не оценило важность данных мемуаров для оценки истории революционного движения, тем более что духовенство в партийной идеологии прочно рассматривалось как реакционный класс. Поэтому признание, что в духовных семинариях в 1905 г. имели брожения и волнения, не состыковывалось с идеологическими посылами советской пропаганды. Тетрадка с этими мемуарами перекечевала в отдел рукописей Российской национальной библиотеки и была долгое время не востребована.

В мемуарах изложены события, происходившие в семинарии в сентябре – октябре 1905 г. и события 23–27 января 1906 г. Сам автор стремится показать дни сентября – октября как часть общего революционного процесса, происходившего в стране, особо подчеркивает, что «юношество, учащиеся средней школы жили в то время общими идеями борьбы с самодержавием, принципы, которые излагались в социал-демократических брошюрах, лозунгах, листовках, выступлениях на общих собраниях, митингах» [1, л. 5 об.]. Он повествует о том, что семинаристы на занятия приходили, но отказывались отвечать уроки, поэтому преподаватели только объясняли новые темы или же иногда читали книги по теме урока. При этом автор очень старается показать, что забастовка семинаристов была поддержкой «политических, экономических, революционных устремлений и действий пролетариата». К. Никольский особое внимание уделяет именно революционной составляющей в поведении учеников – исполнение популярных революционных песен, связь всех учащихся через революционный комитет. Однако, когда автор пытается изложить конкретные действия, то становится видно, что кроме исполнения революционных песен, движение семинаристов касалось в первую очередь своих внутренних проблем духовно-учебных заведений и выразилось в подаче петиций. Учащиеся требовали проведения реформ духовных семинарий, предоставления прав поступления выпускникам в университет, изменение учебного курса. Отдельным пунктом было требование удалить из семинарии преподавателя – Владимира Никольского. При этом автор мемуаров отмечает, что петиция была подана на общем собрании семинаристов, на котором

присутствовали ректор, преподаватели семинарии. Ответ на петицию был получен 15 октября. Суть ответа состояла в том, что требования, изложенные семинаристами, будут учтены при общей реформе духовно-учебных заведений в будущем. Такой ответ не устроил учащихся, и они заявили о продолжении забастовки, после чего занятия были прекращены, в учебное заведение учащиеся вернулись только 27 января [1, л. 22].

Детальный анализ этого эпизода в Орловской духовной семинарии показывает, что он, скорее, демонстрирует общее протестное движение семинаристов начала XX в., нежели именно революционное движение, и мало связано с движением пролетариата.

Анализ документов Учебного комитета позволяет сделать вывод, что протестное движение семинаристов охватило все духовные семинарии, началось оно задолго до Первой русской революции. Между тем волнения в массовом порядке уже начались в первые годы XX в. В это время произошли волнения в Ярославской, Вологодской, Полтавской, Ставропольской, Пермской, Тобольской и других семинариях [19, с. 135]. Например, в Рязанской духовной семинарии в марте 1901 г. были весьма серьезные волнения. При этом расследование показало, что руководство семинарии скрыло еще один факт беспорядков, которые были в 1897 г., а причиной волнений были именно внутренние проблемы Рязанской духовной семинарии и отношение начальства к воспитанникам [8, 4 об.]. Весьма заметные брожения проходили в Орловской духовной семинарии в 1903 г., которые выразились в массовом нарушении дисциплины. Как отмечалось ревизором действительным статским советником Тихомировым: «Проявление массовых беспорядков со стороны учеников стало обнаруживаться еще 12–15 лет назад и в 1903 г.» [8, л. 14]. Он же тогда и высказывал предположение о наличии общего руководства семинарским движением: «Фактов, прямо подтверждающих это, пока не установлено, но на их существование указывает та дисциплина, которую обнаруживали воспитанники в произведении беспорядков. По всему видно было, что ими руководила какая-то твердая рука и давала опытные, изведенные на практике советы, как и что делать» [8, л. 14].

Непосредственно в годы Первой русской революции протестное движение охватило практически все духовно-учебные заведения и даже женские епархиальные училища. Обычной формой протеста была подача петиций с требованиями реформ духовно-учебных заведений. Требование реформирования сословного духа духовной школы, расширение прав выпускников, возможность поступать в университеты – это типичные пункты петиций, которые подавали семинаристы в революционные годы [17].

Весьма типичным для закрытых учебных заведений было недовольство учащихся преподавателями или руководством учебного заведения, эти требования также традиционно отражались в петициях. Орловские семинаристы требовали удаления преподавателя словесности и истории русской литературы Владимира Никольского. Как показывают материалы ревизии 1903 г., недовольство копилось давно, недостатки его преподавательской работы увидел и ревизор: «Преподаватель Никольский, однако, резок и не выдержан, своими неосторожными действиями иногда дает повод к недоразумениям» [13, л. 16]. Отношения между преподавателями и учащимися выстраивались порой непросто, в корпорации учащихся нередко были лица, которые считали возможным только карательные способы наставления учеников. В частности, в Пермской духовной семинарии особой нелюбовью среди учеников пользовался инспектор духовной семинарии Потоцкий [16].

В Рязанской духовной семинарии в ходе волнений 1901 г. воспитанники требовали увольнения ректора и инспектора. Жалуясь на воспитательную систему, они писали: «Каждый воспитанник жил под страхом увольнения из семинарии. Страх является единственным воспитательным средством. <...> Инспектор является автором многих мелочных правил, запрещений и постановлений» [9, л. 8]. К выражению недовольства своими наставниками присоединились даже девушки – воспитанницы Пермского женского епархиального училища. Причем претензии к начальнице этого училища Л. В. Первушиной имели не только дети, но и родители. 30 ноября 1905 г. этот вопрос обсуждался на епархиальном съезде родителей учащихся Пермского епархиального училища [11, л. 59, 59 об.]. Таким образом, проявления недовольства воспитанников Орловской духовной семинарии проходили в общем русле борьбы семинаристов за решение своих узко сословных вопросов. Безусловно, общее влияние революционной эпохи было велико и оказывало воздействие на ход этой борьбы. Поэтому периодически проявления присоединения семинаристов к партийной борьбе социал-демократических партий происходили. В Перми в шествиях под красным флагом по улицам города принимали участие даже воспитанницы женского епархиального училища [14, л. 74.]. В Орле, как

мы видим из текста воспоминаний Константина Никольского, в ходу у воспитанников было широкое знание революционных песен, хотя материалы ревизий этот факт не отмечают. Однако эти факты не позволяют говорить о проникновении в большом объеме революционных идей в головы семинаристов, хотя автор мемуаров пытается выделить именно этот революционный аспект.

Очень ярким является в мемуарах Никольского описание событий 27 января 1906 г., в этот день состоялись похороны умершего семинариста Евгения Монастырёва. По тексту мемуаров следует, что семинарист умер вследствие ранения, полученного в ходе вооруженной стычки полиции и революционной демонстрации Орловского пролетариата, проходившей в Орле на площади бывшего городского театра, близ Левашовской горы. В самих воспоминаниях автор делает главный упор на похоронную процессию, в ходе которой учащиеся исполняли революционные песни, а также речи, произнесенные у могилы своего товарища. При этом начальство разрешения на произнесение речей не давало, поскольку тексты речей не были предъявлены заранее. Особый акцент К. Никольский делает на то, что среди участников не санкционированной похоронной процессии был преподаватель духовной семинарии – Михаил Васильевич Вадковский. На кладбище он выступил с речью, где попытался запрет на траурную процессию представить как попрание свободы: «Опять произвол, опять насилие...» [1, л. 23], а также напрямую подначивал учащихся к исполнению революционных маршей.

Между тем привлечение документов Учебного комитета позволяет выявить ряд аспектов, которые показывают, что все было не так однозначно. Доклад инспектора классов педагогическому собранию указывает на другую причину смерти воспитанника – чахотка. Скончался мальчик в богоугодном заведении. Как следует из доклада инспектора классов – семинаристы изъявили желание совершить обряд отпевания в семинарском храме, что было на значительном отдалении от того богоугодного заведения и кладбища, на котором планировалось захоронение. Опасаясь перерастания похорон в политическую демонстрацию, начальство дало разрешение на перенос тела только рано утром с тем, чтобы сократить количество зрителей и возможных участников. Однако родственники умершего семинариста выразили желание совершить отпевание в храме недалеко от кладбища и богадельни, где умер воспитанник. Именно такое решение было и объявлено семинаристам, кроме того, начальство решило уйти на кладбище только небольшому количеству учащихся. Все это было воспринято семинаристами как очередное попрание свободы и нежелание слушать мнение учащихся. Поэтому в день похорон в семинарском храме было не более 50 воспитанников, остальные учащиеся отправились на кладбище [10, л. 3 об. – 4].

Одновременно, кроме отдельных фактов, микроистория особое внимание уделяет биографии отдельного человека. Как отмечает член-корреспондент Российской академии наук (РАН), доктор исторических наук Л. П. Репина: «Биографическая история, поставив во главу угла индивида, его сознание и самосознание, личный интерес и целеполагание, помогает, в конечном счете, ответить на вопрос, каким образом и в какой степени унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей со всеми их индивидуальными, социальными, гендерными характеристиками и в специфических исторических обстоятельствах, и какую роль играли в этих границах личный выбор и инициатива» [20, с. 13].

Анализируемый документ в том числе интересен и тем, что позволяет обратиться к биографии героев. Специфика состоит в том, что в данном документе представлены не полностью биографические сведения, а только некоторые эпизоды из жизни людей, но это очень говорящие эпизоды, которые отражают сложность жизненных перипетий в тех условиях. В этом документе большой интерес представляет фигура Михаила Васильевича Вадковского, который напрямую проявил себя как сторонник революционного движения. В тексте мемуаров указывается, что это был кандидат Петербургской духовной академии – племянник С.-Петербургского и Ладожского митрополита Антония (Вадковского), также то, что после этих событий М. В. Вадковский покинул город. Согласно адрес-календарю на 1907 г., должность преподавателя Св. Писания занимал уже другой преподаватель – П. Н. Аксеров [12, с. 91].

Узнать судьбу спешно покинувшего Орел преподавателя оказалось непросто. Удалось найти лишь небольшое упоминание в его воспоминаниях, которые были посвящены дяде – митрополиту Антонию. В них он пишет, что именно его дядя мечтал, что племянник пойдет по его стопам и закончит духовную академию. Как пишет он сам: «Чем больше я постигал семинарскую схоластику, тем противнее мне она становилась, ибо запутывала ум в противоречиях и, благодаря своей бесплодности, не могла удовлетворить запросам ума живого и любо-

знательного. Я чувствовал тяготение к университету (естественному факультету) и лишь по настоянию родных, скрепя сердце, соглашался, по мягкости своего характера, идти в духовную академию. Родным очень хотелось, чтобы я попал в Петербургскую духовную академию». Далее, как следует из воспоминаний, М. В. Вадковский учился в нескольких европейских университетах, слушал лекции в лучших европейских университетах, в октябре 1910 г. получил диплом доктора философии Йельского университета [2, с. 195–220]. В целом в этом небольшом эпизоде сосредоточен весь трагизм духовного сословия. Уйти от традиционного служения – было серьезным нарушением семейных традиций, порой требовалось немало мужества, чтобы пойти по своему собственному пути. Некоторые из них, оказавшись в нелюбимой для себе стезе, в качестве протеста оказывались поглощенными революционной стихией.

В воспоминаниях К. Никольского образ преподавательской корпорации показан очень скромно. Он отмечает, что многие преподаватели очень сдержанно реагировали на выступления семинаристов: приходили в класс немного позже звонка, на отказ семинаристов отвечать урок выставляли несколько двоек и затем переходили к объяснению нового материала. Более ярко вырисована в мемуарах Константина Никольского фигура Дмитрия Ивановича Покровского, который четко выражал несогласия с забастовкой учащихся. При этом это несогласие сводилось не к поддержке консервативных позиций, в том, что каждый обязан выполнять свой долг: ученики должны учиться, а учителя преподавать. Ученикам он говорил: «Вы бастуете, а желудки Ваши-наши не бастуют, нам надо каждый день есть и пить. Но для того, чтобы и пить, и есть – надо работать, трудиться, выполнять свой долг... Я не принимаю Вашего отказа отвечать урок и буду Вас спрашивать» [1, л. 24].

При этом автор воспоминаний совершенно не упоминает, что преподавательская корпорация в целом разделяла требования своих учеников и поддерживала идею реформирования духовной школы. Преподаватели Орловской семинарии по указанию Св. Синода представили свои пожелания об изменении строя духовных семинарий, в котором выступали за то, чтобы при сохранении «типа духовной школы и некоторой обособленности от светской школы» «сохранить связь богословского образования с общим» и расширить преподавание гражданской истории, математических, естественнонаучных дисциплин до уровня гимназического, в преподавание философии ввести представителей новейшей философии. В организации учебно-воспитательной работы преподаватели выступали за право семинарии самостоятельно формировать библиотеки, преподавателям проводить с учениками дополнительные занятия, лекции [19, с. 170–186]. Эти предложения были опубликованы на страницах Орловских епархиальных ведомостей. Обычно епархиальные ведомости были обязательным изданием, которое выписывало учебное заведение, и они были доступны ученикам. Поэтому можно предположить, что автор мемуаров мог прочитать о том, что преподаватели проявляют в целом солидарную позицию со своими учениками, но ничего об этом не написал в тексте своих воспоминаний. Это, собственно говоря, и понятно, такая солидарная политика не вписывалась в общий идеологический фон эпохи, когда автор писал свой текст. При этом идею реформирования системы духовно-учебных заведений поддерживало большинство преподавательских корпораций.

Случай с М. В. Вадковским не является исключительным. Анализ мемуаров показывает, что преподавательская среда духовных семинарий не была монолитной консервативной массой, как это представляла советская идеология. Ряд американских исследователей отмечают, что в советской историографии был создан миф, что Русская православная церковь однозначно поддерживала сторону реакции. Данный миф не соответствует фактам [23, р. 144]. Исследования отечественных историков последних лет также развеивают этот миф [9]. И среди преподавателей духовно-учебных заведений были лица, которые выражали явное несогласие с существующим строем духовно-учебных заведений. Только степень и формы этого несогласия были различными. В Перми, например, один из инспекторов классов Александр Павлович Миролубов, осознав несовершенство функционирования духовных семинарий и, возможно, разочаровавшись проведенной Учебным комитетом реформой, оставил службу в семинарии и перешел на службу в Министерство народного просвещения [14, л. 17]. В ходе своей работы он нередко встречался со своими воспитанниками, беседовал с ними о литературе, пытался воздействовать на них словом даже при самых бурных волнениях семинаристов. По словам одного из выпускников семинарии, он был для учащихся очень авторитетной личностью [6, с. 96]. Другие же преподаватели не скрывали свое расположение к оппозиционному движению и пытались на эту тему говорить со своими учениками. Были такие преподаватели даже

среди корпораций женских епархиальных училищ. Например, в Елабужском женском епархиальном училище среди учащей корпорации революционными идеями увлеклась воспитательница училища Мария Попова, в 1905–06 учебном году занимавшая должность воспитательницы шестого класса. Она знакомила воспитанниц с литературой освободительного движения, часто собирала воспитанниц у себя на квартире или в библиотеке, вела с ними чтения и беседы. Сама Мария Попова посещала митинги, была знакома с членами левых партий и «увлекалась крайностями освободительного движения» [15, л. 74].

Таким образом, безусловно, эпизод с М. В. Вадковским отражает мозаичность позиций преподавательской корпорации в начале XX в.

Не менее интересна личность самого автора мемуаров – Константина Ивановича Никольского. Как не раз уже отмечалось, при изложении событий он позиционирует себя как активного участника революционного движения, участника похоронной процессии, которая провожала в последний путь своего товарища. Однако донесения, направленные в Учебный комитет, свидетельствуют, что правление семинарии постановило выслать учеников в дома родителей – тех, кто принял наиболее активное участие в похоронах. Среди прочих оказались и те, кто произносил на кладбище речи общетраурного содержания. К постановлениям правления духовной семинарии был приложен список участников этой демонстрации. В нем фамилия автора мемуаров Никольского Константина не упоминается, из чего следует вопрос: а был ли он активным участником беспорядков и их организатором? Скорее всего, автор узнал о событиях, произошедших на кладбище, со слов своих товарищей. Об этом говорит и тот факт, что сам Никольский закончил семинарию в 1908 г. с наградой за отличные успехи и отличное поведение со званием студента семинарии [3, с. 585]. Безусловно, можно предположить, что руководство Орловской семинарии при выставлении итоговых оценок проявило снисхождение к проступкам своих учеников и большинству учеников выставило отличную оценку по поведению, ибо другая оценка уже была свидетельством неблагонадежности и могла сильно помешать будущему молодежи людей.

Так, в Орловском женском епархиальном училище Совет училища, обсуждая поведение воспитанниц, в 1905–06 учебном году снизил оценки по поведению только трем воспитанницам из 578 человек, однако отметив, что из остальных многие, преимущественно из окончивших училище, хоть и получили оценку «отлично», не достойны этого балла, но «ввиду исключительности года и не желая омрачать их будущее, им было оказано снисхождение и всем поставлен в аттестат балл 5» [4, л. 380]. В качестве наказания воспитанницы, принимавшие участие в беспорядках, были лишены наградных книг, которые ежегодно выдавались при окончании курса. Награда была выдана только четырем воспитанницам, которые явно не принимали участие в беспорядках. Однако такой вариант не подходит в случае с духовной семинарией: ее ученики Акимов, Зернов, Николаевский, Богословский, произносившие речи на кладбище, семинарию не закончили. Их нет в списках выпускников семинарии. Поэтому можно предположить, что автор воспоминаний всегда отражал веяния эпохи в русле идеологической системы: в дореволюционные годы был примерным учеником духовной семинарии, а в советский период – верным партийцем. Данный документ очень ярко показывает, что личность автора мемуаров может быть очень изменчивой и текст мемуаров написан под влиянием определенной ситуации. Таким образом, в микромире одного человека отразился сложный процесс ломки мировоззренческих установок всего общества, смены идеологических установок.

Выводы. Итак, в этом небольшом документе нашли отражение все перипетии истории духовной школы начала XX в. и людей, в ней работавших. Комплексный анализ сюжетов, представленных в этом документе в аспектах развития всей системы духовно-учебных заведений, позволяет прийти к выводу о типичности процессов начала XX в. Здесь сфокусировались и проблемы духовной школы, и судьбы людей, в ней работавших. В мемуарах отразились типичные протестные движения воспитанников, также упоминание одного из героев этого повествования – М. В. Вадковского – тоже типичный сюжет внутренних исканий людей духовного сословия этого периода. Однако при всей типичности сюжета мы можем говорить об индивидуальных гранях этого процесса.

В то же время источниковедческий анализ данного документа очень ярко демонстрирует методические приемы анализа документа и проблемы отражения личности в переосмыслении исторической ситуации. В данном случае документ и его история отражает судьбу источника, рожденного в определенных идеологических установках, и личность его автора. Его содержание определялось именно преобладанием революционной идеологии, именно

существующие идеологические установки обеспечили бесперспективное попадание на хранение в фонды отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Список литературы

1. 1905 год. Губернский город Орел. Революционные волнения в средних учебных заведениях. Забастовка учащихся духовных семинарий // ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 1000. Оп. 5. Д. 324.
2. Вадковский М. В. Мои воспоминания о митрополите Антонии [Александре Васильевиче Вадковском, 1846–1912] // Исторический вестник. 1916. Т. 143. № 1. С. 195–220.
3. Выпускной акт в Орловской духовной семинарии // Орловские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1908. № 24. С. 585.
4. Журнал педагогического собрания совета Орловского женского епархиального училища // ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. 83. Оп. 1. Д. 61.
5. Земцов В. Н. Микроистория: итоги 15-летнего «пребывания» в России // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 4–7.
6. Игнатьев В. А. Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века. Ч. 1. Пермь : Продюсерский центр «Траектория», 2017. 318 с.
7. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М. : Новый хронограф, 2002. 253 с.
8. О бывших беспорядках в Орловской духовной семинарии // РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 802. Оп. 10 (1903). Д. 62.
9. О бывших беспорядках в Рязанской духовной семинарии // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1901). Д. 29.
10. О бывших в Орловской духовной семинарии в январе месяце сего года беспорядках // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 23.
11. О перемещении начальниц: Пермского епархиального училища Первушиной и Владимирского Языковой, одной на место другой // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 55.
12. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1907 год. Орел, 1907.
13. По отчетам действительного статского советника Тихомирова о ревизии им в 1903–1904 году духовно-учебных заведений Орловской епархии // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1904). Д. 57.
14. По отчету действительного статского советника Савваитского о произведенной им в 1907–1908 году ревизии духовно-учебных заведений Пермской епархии // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908). Д. 224.
15. По отчету ключаря Елабужского кафедрального собора протоирея Израйлова о произведенной им в 1906–1907 учебном году ревизии Стахеевского епархиального училища // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 100.
16. Попова О. Д. Протестное движение воспитанников Пермской семинарии // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 87–95. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-87-95.
17. Попова О. Д., Попова А. Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 39–56.
18. Прахт Д. В. Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 2. С. 133–138.
19. Предложения об изменении в строе духовных семинарий // Орловские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1906. № 6. С. 170–186.
20. Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева) : сб. трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. 2019. С. 12–18.
21. Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. М. : Новый хронограф, 2005. 567 с.
22. Шуб М. Л., Лазарова А. А. Прошлое в масштабах микроистории. Основные подходы к изучению // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1. С. 14–17.
23. Zernov N. M. The Russians and their Church. New York, 1945.

Microhistory in the study of the history of theological seminaries: an episode from the life of the Orel Theological Seminary in the Memoirs of K. Nikolsky as a historical source

O. D. Popova

Doctor of Historical Sciences, Ryazan State University n. a. S. A. Yesenin.
Russia, Ryazan. ORCID: 0000-0001-5131-7970. E-mail: od-popova@mail.ru

Abstract. The article shows the possibilities of applying microhistory to the study of the history of spiritual educational institutions in the early twentieth century. Microhistory, addressed to fact and incident, is reflected in the memoirs of students of theological seminaries. The author of the article examines the memoirs of K. Nikolsky, a pupil of the Orel Theological Seminary. The document was found in the collections of the manuscript department of the Russian National Library. The document describes the events at the seminary in October 1905 – January 1906. Analysis of the text of the memoirs shows that the ideological system of society leaves a strong imprint on the representation of events by the author of the text. K. Nikolsky tried to show the events that took place in Orel as part of the revolutionary process, and positions himself as an active revolutionary. However, a thorough analysis of the document made it possible to overcome the ideological prism of the presentation of events.

The article shows that the application of comparative analysis to facts from the history of other educational institutions at the level of microanalysis allowed us to establish how much events in a particular educational institution reflect typical or unique facts of the protest movement of seminarians in the early twentieth century. The article demonstrates that Nikolsky's memoirs concentrated in themselves all the typical processes that took place in the theological school at the beginning of the twentieth century. This document pays special attention to the lives of individuals in the historical process. Microhistory allows us to see the vicissitudes of the historical process in the destinies of people, on the one hand, and the process of the influence of the historical process on the life trajectories of specific individuals, on the other hand. The analyzed document is interesting because it reflects the different life trajectories of both students and teachers. At the same time, the appeal to personal destinies allows us to show individual facets of the historical process. Of particular interest is the identity of the author of the document – K. Nikolsky. The microcosm of one person reflected the complex process of breaking the worldview of the whole society, changing ideological attitudes.

Keywords: microhistory, memoirs, theological seminaries, protest movement, ideology, history of the province, the city of Orel.

References

1. 1905 god. Gubernskij gorod Orel. Revolyucionnye volneniya v srednih uchebnyh zavedeniyah. Zabastovka uchashchihsya duhovnyh seminarij – 1905. The provincial city of Orel. Revolutionary unrest in secondary educational institutions. Strike of students of theological seminaries // *OR RNB (Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki)* – OR RNB (Department of Manuscripts of the Russian National Library). F. 1000. Inv. 5. File 324.
2. Vadkovskij M. V. *Moi vospominaniya o mitropolite Antonii [Aleksandre Vasil'eviche Vadkovskom, 1846–1912]* [My memories of Metropolitan Anthony [Alexander Vasilyevich Vadkovsky, 1846–1912]] // *Istoricheskij vestnik* – Historical herald. 1916. Vol. 143. No. 1. Pp. 195–220.
3. *Vypusknij akt v Orlovskoj duhovnoj seminarii* – Graduation certificate in the Oryol Theological Seminary // *Orlovskie eparhial'nye vedomosti. Otdel neoficial'nyj* – Oryol diocesan Vedomosti. An unofficial department. 1908. No. 24. P. 585.
4. *Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya soveta Orlovskogo zhenskogo eparhial'nogo uchilishcha* – Journal of the pedagogical meeting of the Council of the Oryol Women's Diocesan College // SAOR (State Archive of the Oryol region). F. 83. Inv. 1. File 61.
5. Zemcov V. N. *Mikroistoriya: itogi 15-letnego "prebyvaniya" v Rossii* [Microhistory: the results of a 15-year "stay" in Russia] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* – Ural historical herald. 2010. No. 4 (29). Pp. 4–7.
6. Ignat'ev V. A. *Vospominaniya o Permskoj duhovnoj seminarii nachala XX veka. Ch. 1* [Memories of the Perm Theological Seminary of the beginning of the XX century. Part 1]. Perm. Production center "Traectoriya". 2017. 318 p.
7. Leont'eva T. G. *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Faith and progress: the Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. M. Novy chronograph (New chronograph). 2002. 253 p.
8. *O byvsih besporyadkah v Orlovskoj duhovnoj seminarii* – About the former riots in the Orel Theological Seminary // RSHA (Russian State Historical Archive). F. 802. Inv. 10 (1903). File 62.
9. *O byvsih besporyadkah v Ryazanskoj duhovnoj seminarii* – About the former riots in the Ryazan Theological Seminary // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1901). File 29.
10. *O byvsih v Orlovskoj duhovnoj seminarii v yanvare mesyace sego goda besporyadkah* – About the riots that were in the Orel Theological Seminary in January of this year // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1906). File 23.

11. *O peremeshchenii nachal'nic: Permskogo eparhial'nogo uchilishcha Pervushinoj i Vladimirskogo Yazykovoj, odnoj na mesto drugoj* – About the relocation of the heads of the Perm Diocesan School of Pervushina and Vladimir Yazykovoy, one in place of the other // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1906). File 55.
12. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Orlovskoj gubernii na 1907 god* – Commemorative book and address-calendar of the Orel province for 1907. Orel. 1907.
13. *Po otchetam dejstvitel'nogo statskogo sovetnika Tihomirova o revizii im v 1903–1904 godu duhovno-uchebnyh zavedenij Orlovskoj eparhii* – According to the reports of the actual state councilor Tikhomirov on his audit of the spiritual educational institutions of the Orel diocese in 1903–1904 // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1904). File 57.
14. *Po otchetu dejstvitel'nogo statskogo sovetnika Savvaitskogo o proizvedennoj im v 1907–1908 godu revizii duhovno-uchebnyh zavedenij Permskoj eparhii* – According to the report of the actual State Councilor Savvaitsky on the audit of spiritual educational institutions carried out by him in 1907–1908 Perm diocese // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1908). File 224.
15. *Po otchetu klyucharya Elabuzhskogo kafedral'nogo sobora protoireya Izrajlova o proizvedennoj im v 1906–1907 uchebnom godu revizii Staheevskogo eparhial'nogo uchilishcha* – According to the report of Archpriest Izrailov, the clerk of the Yelabuga Cathedral, on the revision of the Staheevsky diocesan school carried out by him in the 1906–1907 academic year // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1906). File 100.
16. *Popova O. D. Protestnoe dvizhenie vospitannikov Permskoj seminarii* [Protest movement of pupils of the Perm Seminary] // *Ural'skij istoricheskij vestnik*. – Ural historical herald. 2019. No. 1 (62). Pp. 87–95. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-87-95.
17. *Popova O. D., Popova A. D. Buntuyushchaya seminariya: protestnoe dvizhenie v duhovnyh uchebnyh zavedeniyah (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov)* [Rebellious seminary: protest movement in theological educational institutions (the second half of the XIX – beginning of the XX centuries)] // *Novyj istoricheskij vestnik* – New historical herald. 2017. No. 2 (52). Pp. 39–56.
18. *Praht D. V. Protestnoe dvizhenie v Tobol'skoj duhovnoj seminarii v nachale XX veka* [Protest movement in the Tobolsk Theological Seminary at the beginning of the twentieth century] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* – Herald of Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates. 2012. No. 2. Pp. 133–138.
19. *Predlozheniya ob izmenenii v stroe duhovnyh seminarij* – Proposals for changes in the structure of theological seminaries // *Orlovskie eparhial'nye vedomosti. Chast' neoficial'naya* – Orel diocesan gazette. An unofficial part. 1906. No. 6. Pp. 170–186.
20. *Repina L. P. Biografiya v kontekste "global'noj mikroistorii"* [Biography in the context of "global microhistory"] // *Paradigmy rossijskoj istorii skvoz' prizmu biografistiki (k 140-letiyu Alekseya Ivanovicha Yakovleva)* : sb. trudov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. FGBOU VO "Chuvashskij gosudarstvennyj universitet im. I. N. Ul'yanova" – Paradigms of Russian history through the prism of biographistics (to the 140th anniversary of Alexei Ivanovich Yakovlev) : proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation. Chuvash State University n. a. I. N. Ulyanov. 2019. Pp. 12–18.
21. *Tarasova V. A. Vysshaya duhovnaya shkola v Rossii v konce XIX – nachale XX veka. Istoriya imperatorskih pravoslavnyh duhovnyh akademij* [Higher Spiritual school in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century. History of the Imperial Orthodox Theological Academies]. M. Novy chronograph (New chronograph). 2005. 567 p.
22. *Shub M. L., Lazarova A. A. Proshloe v masshtabah mikroistorii. Osnovnye podhody k izucheniyu* [The past on the scale of microhistory. Basic approaches to the study] // *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* – Herald of Kazan State University of Culture and Arts. 2012. No. 1. Pp. 14–17.
23. *Zernov N. M. The Russians and their Church*. New York. 1945.